

Ад Феорин

Проспект
Фантомного
Завтра

Ад Феорин

Перспект фантомного завтра

«Автор»

2026

Феорин А.

Перспектив фантастического завтра / А. Феорин — «Автор», 2026

Вслушиваясь в мерное потрескивание уютного проектора, смело шагните под сень сводов ржавого и живого Города, который давно уже отчаялся увидеть нового Странника и который готов гостеприимно приоткрыть для вас ненадолго свои неподступные гермодвери и неспешно рассказать голосами своих обитателей о днях минувших, чтоб помочь вам разгадать свои многочисленные тайны и загадки, окруженные плотным и непроглядным мыльным туманом Пластмассового Леса...

© Феорин А., 2026

© Автор, 2026

Ад Феорин

Перспектив фантомного завтра

В шумном потоке почивших и склонивших перед великим и жестоким Временем свои головы дней затерялось уютное и ностальгическое потрескивание старого механического проектора, что вновь и вновь зажёвывал одну и ту же пленку. Кадр за кадром она все исчезала в утробе простого и древнего механизма, выплевывавшего и исторгавшего ее, словно это блеклое и померкшее существо уже устало и истоцилось, словно уже изнемогло от пожиравшей его день ото дня меланхоличной и апатичной болезни, кою звали «Обыденность»... а пленка неумолимо затиралась новыми образами, заменялась другими сценами, которые в отчаянии и бессилии пыталась сшить и склеить из обрезков и останков своей же рассыпающейся сепией памяти. Беспечные и беззаботные кадры все выгорали и изменялись до неузнаваемости, перемолотые и зажеванные до невообразимого состояния, - всего лишь замершие и утраченные картинки, дорисованные наспех неумелой и неуклюжей рукой невидимой и незримой ностальгии и несовершенного сознания, - словно фальшивые и натянутые улыбки роскошных карнавальных масок, что когда-то улыбались, да забыли зачем они это делали...

Синтетическая и механическая мелодия мерно и ненавязчиво все продолжала разноситься по пластмассовым холлам, оседающая полиэтиленовым пеплом на керамических губах, окропляя изредка масляными слезами ржавые бобины кинолент, изрезанных, стреноженных и изорванных по неведомому образу и подобию; продолжала создавать бесконечное Эхо – блеклый отголосок чьих-то идей, представленных в новом, технологически изменённом виде; идей, что причудливо отражаются и преломляются в общественном сознании и коллективной памяти изношенных ресиверов давно пришедших в негодность серверов Оцифрованной памяти; та славная и горько-наивная мелодия однотонного потрескивания и поскрипывания, что все никак не могла утешить себя страшной и обжигающей своим ледяным, сковывающим ядом мыслью...

... что больше ничего не осталось.

Но в глухом и неподступном упрямстве назло всему и всем это проектор продолжал работать, а пленка все также была увлечена никому не нужной работой, крепко прижимая, трепетно оберегая и пряча от взора неусыпного и неумного Времени свои памятные Меморабиллии, словно любимые игрушки, которые стоило бы уж давно выбросить, да жалко и больно расставаться.

Дверь в аппаратную доброжелательно и гостеприимно была приоткрыта, цепляясь за ветхий и ускользящий шелк надежды, что когда-нибудь кто-то да пересчет порог этой глухой и молчаливой кельи Забвения и Пустоты.

Но пора признать горькую правду, что наивна и легка, что жестока и тяжела, словно ответ на ноющий и терзающий, не дающий ни на секунду расслабиться и не дарующий столь желанного покоя вопрос: «что же произошло на самом деле в тот роковой день, когда все пошло не так?»; - что никто теперь не осмелится туда войти, дабы не тревожить и не беречь едва зажившие, схваченные хрупкими и ненадежными нитями вечно расходящихся швов раны, столь глубокие и столь болезненные, что шрамы от них вывести не удастся никаким лазером или контролируемой мутацией...

Да и... остался ли хоть кто-то за этими плотными и надежными стенами свинца и обедненного урана?

Хоть кто-нибудь, кто бы услышал немой крик, застрявший ненавистным и осточертевшим кашлем поперек вентиляционной шахты забитых пылью и радиоактивным пеплом синтетических и полимерных альвеол искусственных легких, что сипло и прерывисто вбирали в себя отфильтрованное клопочущее и рванное подобие воздуха. Этот сдержанный вопль, сорвав-

шийся неловким и кратким жужжанием заевших шестеренок, сошедших с покосившейся и переломившейся посередине оси, с потресканных и окропленных машинным маслом и водородной кровью эльборовых труб, что пронизывали и охватывали тугим каркасом скелет титановых и полиуретановых костей, утопленных в сплавах вишневого электролита и задушенных неопрятным и спутавшимся клубком оптоволокна и лишившихся оплетки кабелей и обесточенных проводов, обглоданных керамическими термитами и бензиновыми блохами.

Эту поистине ужасающую и леденящую кровь арию сжатых до хруста лонсдейлитовых опор и мифрилового остова, обнаженного и нагого, облаченного в сгнившую брезентовую накидку и безнадежно пытающегося скрыть за гримом отваливавшейся хлопьями дешевой краски неприятные стружья пятен ржавчины и заскорузлой грязи. Все эти хаотичные, диссоциирующие и орфичные голоса призрачных блоков, рухнувших перекрытий и бесконечного, ветвистого лабиринта причудливых искажений и переплетений покосившейся арматуры и карбоновых зеркал?

Столь громкую и манящую тишину проржавевшей до основания, никчемной груды выброшенного на свалку за ненадобностью металлолома, которому когда-то радовались?

Но... увы...

Никто. Никого. Уже столько лет.

А я... я все еще здесь. Заточенный в клетке невидимых и мягких, столь милосердных и жестоких ко мне стен, безликих и молчаливых, безучастных ко всем моим просьбам и мольбам.

Приговоренный к жизни невиновный и заклеимённый всеми видами стигмат, запятнанный и оскверненный преступник, что не совершил ни одного злодеяния, пустившего миазматические и болезненные корни и опутавшего ветвями Порока и Греха город...

...Город, что когда-то был моим.

Я один. Навсегда и бесконечно одинок.

Был.

Пока ты не вошел в эти заклинившие много лет назад двери, заведя считалочку призрачного и незримого хора пробудившихся и воспрявших от древнего сна голосов...

...Раз – что скрывает поворот?...

...ты отряхнулся от потревоженной и взвившейся чернильным клубком заряженных частиц пыли, отмахнувшись от нее, как от сущего пустяка...

...Два – что за углом, во тьме, там ждёт?...

...недовольно буркнул и крикнул кому-то, что все с тобой в порядке и переживать не стоит...

...Три – в окно лишь выгляни! Смотри...

...а затем медленно поднялся с прохуdivшегося и заляпанного зелеными лужицами разлитого полония пола и устремил свой взор широко распахнутых от поистине детского и искреннего удивления глаз прямо на меня, стоявшего в растерянности и смятении посреди коридора. Но меня испугало не это...

...Четыре тени прошмыгнули, - мёртвы и пусты фигуры.

...а то, что на тебе не было ни респиратора, ни какой-либо защиты.

Всегда было нужно так мало. Достаточно было просто остановиться на мгновение, на тот страшный и чудесный миг, в который приоткрывается завеса мироздания; просто вслушаться в эти прекрасные звуки тишины, в эту мелодию бесконечного шепота и перелива ветра; просто обернуться и увидеть, по какой дороге ты шел... и устремить взгляд вперед, чтоб увидеть, куда ты придешь.

Но не увлекайся изучением этого мира... иначе пути назад не найти.

Что ж...

Ты столь удивлен? Я думал, ты привык к моей нравоучительной и нудной компании, которую ты столь усердно скрываешь от своего старшего брата, который исподтишка порой приглядывает за тобой, совершенно не замечая, да и не желая меня видеть, принимая все твои неосторожные слова за фантазию одиночества, которое обрело воплощение в твоём сознании в виде вымышленного друга, - ну, пусть так и считает. Но ты должен знать, - я всегда где-то рядом, витаю меж строк и держу тебя за руку, чтоб ты не затерялся в бесконечном лабиринте дорожек, сотканных из чернильных слов, что порой непонятны, безумно сложны и отталкивающе непохожи на те, с которыми ты сталкивался до сего мига, но которые мог бы услышать и узреть в слиянии далекого и пафосного, гротескно вычурного и немного карнавального Прошлого и лаконичного, простого до примитива и банальщины серого и тусклого, столь фальшивого и неестественного Настоящего; слов, украшенных бумажными декорациями красочных смыслов и увенчанных притаившимися за ними аллегориями и метафорами, кои столь легко постичь, если тебя поведет верная рука Знания и Разума.

Если ты готов, то просто присядь рядом. Да-да, вот так, не стесняйся, - я же не кусаюсь в конце концов. Просто присядь, отдохни от бесконечного бега в мире удушливой затхло-сти, выдохни этот прогорклый воздух и позволь этому слабому дуновению проникнуть в твои легкие; позволь сознанию обмануться монотонностью, что ты найдешь меланхолией и увяданием декаданса, где таится под готической мрачностью блестящая и кристально-чистая красота иллюзорного бриллианта.

В конце концов, кто сказал, что нельзя писать о чем-то серьезном, пряча все это под маски жуткой фантазмагии и сказочной фэнтезийности? Что плохого в том, если придать проблеме и теме повседневного бытия другую форму, подарить ей другой более комичный и забавный, а может, наоборот, жутко страшный облик? Облечь ее в другой наряд? В иной смысл?

Ведь здесь нет ничего плохого... она не станет от этого более глупой и несерьезной. Зато вот услышат ее гораздо охотнее.

Говоря об охоте... Ты не испытываешь усталость или голод (вроде для людей это свойственно... кажется...)? Может, стоит ненадолго прилечь и отдохнуть от твоего бесконечного метания между трухлявых полок, заваленных капсулами пустой пневмопочты, да размотанными кассетами с поврежденными дискетами? Нет там ничего полезного! Не даром же на двери была табличка: «Мусоросжигатель». Ну, как хочешь... впрочем.

Хочешь я покажу тебе кое-что? Только тебе одному?

Нет-нет, глупыш, это не те железки и бесполезные шестеренки, которые ты с таким упоением и увлечением находил и пытался сохранить, ища в них какой-то смысл, попросту стучась в бетонную и непроницаемую стену, ибо тебе не разгадать всех тайн столь притягательного и мистического прошлого, которое каким-то чертом тебя так манит и прельщает.

Смотри... да-да, за этим мутным и запотевшем от ртутного дождя и свинцового пара алюминиевым стеклом ты найдешь то, что так давно искал. За этими клубами хлорированного и вспененного тумана, за сугробами бромидов кристаллизованного водорода, за лесами металлических деревьев и галлиевых цветов, за пологом из стальных листьев и водопадом расплавленного полония, за горами полимерной резины и холмами раскрошенного пластика, - там, далеко-далеко за пределами этого призрачного и уснувшего мира ты найдешь Брошюру Утраченного Вчера...

...но, дитя, здесь еще растет хромированная и стеклянная трава, а там, куда ты пойдешь со следующей страницей, словно с путеводителем, - там только пыль, старость и обитые обедненным ураном коридоры. Посмотри туда, - да, на эти изувеченные окна-бойницы, на эти померкшие экраны, - что ты видишь? Ты прав... только Рок и Гибель.

О, нет, не бойся, - Болезнь Часового Механизма тебя не тронет, даже если станешь глядеться в экраны, словно в зеркала, - рядом с тобой я.

Я смогу сберечь то, что дорого и ценно от этой голодной Скверны.

Тебя.

Ты не оскользнёшься о мокрый окатыш и не свалишься в воду, попытаешь перейти вброд этот ядовитый и черный океан кислоты, что заполонил чернильными реками химической магмы Пустошь Невидимого Убийцы, - считай, это легкая и беззаботная прогулка весенним и светлым днем, когда ты можешь босиком бежать по зеленой полянке, а затем припасть губами к прохладному роднику, что с радостью поделится с тобой своими водами и напоит тебя... ведь мы будем там вдвоем...

...хоть не сделаем и шага.

Как и вчера... так и сегодня.

Едва ты пожелаешь отправиться в этот путь по-настоящему, тебя снова окликнет появившийся в проеме старший брат, что разрушит эту хрупкую фикцию важности мимолетного и безрассудного решения, и позовет тебя за собой, забирая и увлекая тебя в окрашивающийся фиолетовым и алым новый день, что причудливым рассветом столь непривычно искажал твой облик...

Прошу лишь... возвращайся. Я буду по-прежнему здесь. Я останусь тут. Буду ждать тебя у истока следующего приключения, которое мы выдумаем завтра, которое проживем в твоих детских мечтах, которое никогда не станет пугающей реальностью...

...которое сможет оживить меня еще на один день, подарив надежду на то, что фантомное завтра все-таки наступит.

Но перед тем, как ты уйдешь, снова разумом пускаясь в странствия по обветшалым холмам и пропитанным опасностями коридорам иссохнувшего от голода и приверженного к земле ржавыми якорями-рельсами городу, ответь мне без утайки, друг мой...

...что ты хочешь там найти, о, странник?

Уверен, ничего из того, что там спрятано.

И ищешь ли ты что-нибудь вообще? Или просто праздно шатаешься от истории к истории, надеясь, что она поможет тебе скоротать время и развлечет тебя? Заполонит ту пустоту, что гложет тебя?

Мне никогда этого не узнать.

От этого и горько и радостно одновременно.

И... все же... если вдруг захочешь, то, как вернешься, просто шагни в ту распахнутую дверь аппаратной и попробуй узнать тайну, что покоилась там под слоем вековой пыли и копоти, которую ты все пытался счистить.

Какую тайну? – Ее мы выдумаем завтра. Новую. Совершенно новую и безупречную, несомненно важную... тайну... да...

А теперь иди прочь, снова оставляя меня совсем одного до заката неоновое солнца...

...Пять – ну, что за звуки там опять?!...

...я знаю, ты придешь...

...Шесть – «Зачем пошел?» – «Верни все вспять!»...

...я верю... и надеюсь...

...Семь – Беги! Обернуться не посмей...

...когда вновь сгустится тесным и черным удушливым туманом ночь, ты придешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.